

Глава 1

СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ КАК ЦЕЛОЕ

Предварительные замечания

В этой главе мы рассмотрим сказку о Василисе в общем, разделим ее на эпизоды, опишем их границы и специфику, выделим структуру и логику развития сюжета.

Общая структура сказки «Василиса Прекрасная», так же как ее отдельные образы и мотивы, имеет многочисленные параллели в восточнославянском и мировом фольклоре. Согласно сравнительному указателю сюжетов, сказка относится к типу 480 «Мачеха и падчерица». В эту группу входят, например, такие знаменитые сказки, как «Госпожа Метелица», «Морозко» и «Гуси-лебеди». В то же время Владимир Яковлевич Пропп, комментируя сказку, говорит, что она «представляет собой литературную обработку народного подлинника»²⁰. Ее текст несколько выделяется на фоне других народных сказок, поэтому составители указателя закономерно относят ее к особому подтипу 480 В. Полное соответствие этому подтипу, помимо сказки о Василисе, есть только у одного украинского текста; в указателях сказок других народов этот подтип не выделяется вовсе²¹. Таким

Иллюстрация к сказке «Василиса Прекрасная». Иван Билибин, 1899 г.

образом, сказка о Василисе одновременно типичная и вместе с тем чуть ли не уникальная.

Чтобы прояснить темные места сказки о Василисе, обратимся к ближайшему сравнительному материалу — текстам, сюжетно близким к ней. Нас будут также интересовать сказки группы «Чудесная корова» (№ 511 по СУС), героини которой, как и Василиса, сироты, которые терпят притеснения от мачехи и пользуются услугами волшебного помощника. Также мы будем привлекать сказки группы «Людоедка» (№ 333 В по СУС), сюжет и образы которых вплоть до деталей напоминают эпизод визита Василисы к Бабе-яге. Кроме того, мы обратимся и к другим сказочным сюжетам и мотивам, жанрам фольклора и этнографическим материалам, которые смогут пролить свет на образы сказки о Василисе.

Эпизоды сказки о Василисе

Итак, определив в общих чертах положение сказки о Василисе относительно других близких к ней сюжетов, обозначив круг текстов, которые в первую очередь будут служить материалом для амплификаций, мы можем более внимательно присмотреться к самому тексту сказки. Выделим в нем пять эпизодов.

Начало сказки (первый эпизод) рисуется в драматических, однако вполне реалистических тонах.

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. <...> После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву прилась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти одноленок Василисе, — стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманул и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!²²

Большинство фигур начала сказки (купец, мать Василисы, сама Василиса, вторая жена отца, ее дочери) как будто не содержат в себе ничего чудесного. Их отношения и происходящие с ними события хоть и исполнены напряжения и драматизма, но внешне не выходят за рамки человеческой реальности, в них даже нет запредельной жестокости (попытки убить или покалечить героиню) или противоестественных желаний (стремление брата или отца насильно

Мачеха и падчерица. Иллюстрация к сказке «Золушка». 1865 г.

взять героиню в жены), как в некоторых других сказках. Подобная человечность героев и событий подчеркивается тем, что они живут в городе, соответственно, вся их жизнь находится в определенных культурных рамках как в городских стенах.

Другой характерный элемент — это появление женихов Василисы, которые начинают к ней свататься, когда приходит время.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

— Не выдам меньшей прежде старших! — А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе²³.

Образы женихов и сватовства как бы подчеркивают, что семья живет не в изоляции, а включена в жизнь более широкого сообщества, которое имеет определенные культурные ожидания относительно членов семьи. Город и женихи — частые образы русской (и — шире — европейской) сказки, и в целом они не противоречат чудесным событиям, которые могут в ней происходить. Однако именно в этой сказке ни в городе, ни в женихах нет ничего чудесного, эти элементы согласуются с почти будничным образом жизни персонажей. Совпадение города и сватовства с минимальным уровнем чудесного характерно и для финальной части сказки о Василисе, о которой речь пойдет ниже.

Некоторые детали, впрочем, сразу дают понять читателю или слушателю, что он имеет дело именно со сказкой. В первую очередь, это эпизод с куклой.

Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

— *Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.*

Затем мать поцеловала дочку и померла²⁴.

Этот фрагмент крайне важен для сюжета. Мать вручает дочери куклу и говорит, как с ней обращаться. Куколка действительно чудесным образом начинает помогать Василисе, однако это следует держать в глубокой тайне.

Тряпичная кукла из Енисейской губернии. Начало XX в.

Советы и помощь куколки — единственный чудесный элемент этой части сказки. Покров тайны, которым он окружен, — тоже своего рода рамка, сродни той, в которой пока обитают все персонажи сказки. В отличие от многих других сказочных тайн и дверей, которым суждено открыться, несмотря на запрет, этот покров останется нерушим до самого конца.

Ситуация меняется, когда происходят два события: купец отец уезжает из дома по торговым делам, а мачеха с дочерьми и Василисой перебирается в другой дом. Это знаменует собой окончание первого, «городского» эпизода сказки и переход ко **второму, «пограничному» эпизоду** (новое жилище героев буквально расположено на границе леса).

ГЛАВА 1. СКАЗКА О ВАСИЛИСЕ КАК ЦЕЛОЕ

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги²⁵.

Темный лес. Иван Шишкин, 1885 г.

По-видимому, герои покидают город как средоточие человеческой культуры и как будто оказываются в изоляции. Отец (видимо, так же, как и женихи) теперь далеко, а дремучий лес с Ягой-людоедкой — близко. Состав персонажей тут не такой, как в первой части: только Василиса, куколка, мачеха и сестры; Яга существует как возможность, а отец и женихи — как воспоминание. Злоба мачехи в этом эпизоде возрастает: ей уже мало третировать Василису, она хочет, чтобы та попала в лапы лесной людоедки и погибла. Василиса теперь вынуждена погружаться в темный лес, однако не встречается с Ягой благодаря усилиям куколки. Соответственно, роль чудесного возрастает: если в первой части куколка спасала Василису от нападок мачехи, то теперь она спасает ее от смерти. При этом главная угроза приобретает нечеловеческие формы: в первой части это злая, склонная к рукоприкладству, но в целом довольно обыкновенная мачеха, а теперь это лесная людоедка, откровенно сказочный персонаж.

Третий, центральный эпизод начинается, когда Василиса, по коварному замыслу мачехи, покидает дом и отправляется за огнем к Бабе-яге:

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть, и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке, одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

— Что теперь нам делать? — говорили девушки. — Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!

— Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево. — Я не пойду.

— И я не пойду, — сказала та, что вязала чулок. — Мне от спиц светло!

— Тебе за огнем идти, — закричали обе. — Ступай к бабе-яге! — И вытолкали Василису из горницы. Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

— На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

— Не бойся, Василисушка! — сказала она. — Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не случится с тобой у бабы-яги.

Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес²⁶.

Как видно из отрывка, дополнительно границу эпизодов обозначает погружение во тьму и одиночество героини. Она смутно представляет, что ее ждет впереди и сможет ли она благополучно вернуться обратно. В рамках этого эпизода снова меняется основное место действия (не дом у края леса, а «дремучий лес», жилище Яги) и состав персонажей (мачеха и сестры остаются позади, впереди — встречи со всадниками, Ягой, «тремя парами рук» и говорящим черепом). До своего максимума доходит удельный вес чудесного и таинственного.

Здесь происходят самые страшные и главные события сказки. Героиня проходит испытания и получает от Яги удивительный дар — говорящий череп с горящими глазами. Эпизод заканчивается, когда Василиса вместе с черепом покидает жилище Яги и приходит домой: «бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас

Василиса в лесу и красный всадник. Иллюстрация к сказке
«Василиса Прекрасная». Борис Зворыкин, 1925 г.

только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома»²⁷. Как видно, у эпизода есть не только пространственная (дом на краю леса — жилище Яги), но и временная граница: Василиса уходит из дома «в ночь» и вечером следующего дня оказывается у Яги. Возвращаясь обратно, она снова покидает Ягу затемно и вечером

другого дня добирается до дома. Таким образом территорию Яги от всего остального пространства сказки отделяют два полных суточных цикла — один до описываемых событий и один после.

Четвертый эпизод происходит в тех же декорациях и с теми же персонажами (за исключением черепа), что и второй. Он начинается с возвращения Василисы в дом, затем происходит развязка линии «мачеха, сестры — падчерица».

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решила идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу.

— Авось твой огонь будет держаться! — сказала мачеха.

Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло²⁸.

Как видно, лесные испытания не прошли бесследно — роли персонажей принципиально изменились. Мачехи и сестры впервые встречают Василису ласково, что закономерно: теперь бедная падчерица — единственная обладательница огня, притом огня чудесного. Однако перемена в обращении с Василисой не избавляет мачеху и сестер от ожидаемого возмездия. Таким образом, из испуганной, гонимой и послушной жертвы героиня становится мстительницей, хотя расправа происходит как будто без ее волевого участия, сама собой.

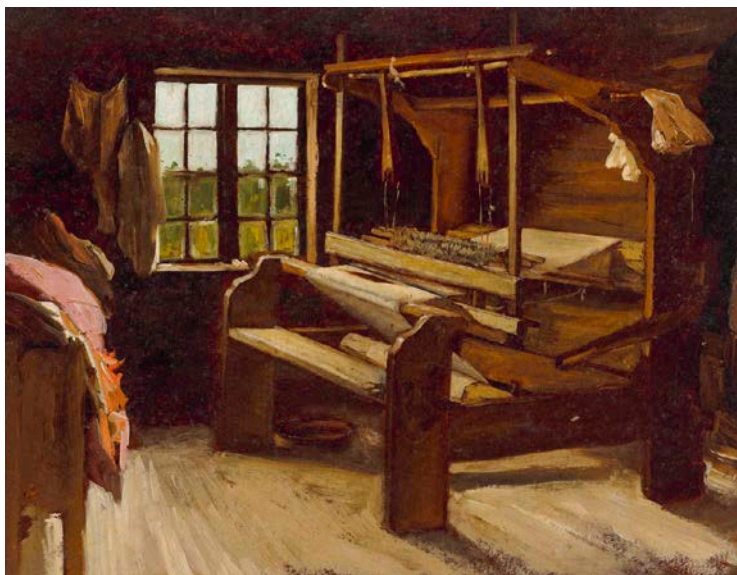
Границей эпизода служит сцена погребения черепа и возвращение Василисы в город: «поутру Василиса зарыла череп

в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца»²⁹.

Пятый, финальный эпизод в общих чертах напоминает первый, так же как четвертый — второй. Мы вместе с героиней оказываемся в том же городе, что и в начале сказки, снова становится актуальной (и даже выходит на первый план) тема брака. Чудесные мотивы перестают быть ключевыми, занимают даже более скромное место, чем в начале сказки: куколка больше не работает вместо Василисы, но только сооружает для нее хороший (не волшебный!) ткацкий станок. Рубашки, которые делает Василиса, вовсе не волшебные, как это бывает в других сюжетах, а всего-навсего искусно выполненные, однако именно благодаря им героиня находит себе жениха.

Довольно любопытные метаморфозы происходят и с составом персонажей. С одной стороны, он опять меняется, как и во всех прочих эпизодах: разумеется, нет Яги и других сверхъестественных персонажей, нет мачехи и сестер, зато появляется «безродная старушка», царь — жених, в самом конце возвращается отец. С другой стороны, состав персонажей как будто возвращается к своим исходным очертаниям, однако в несколько измененном виде. Мелькнувшие в первом эпизоде неразличимые, лишённые всякой индивидуальности «женихи» стали единственным и конкретным женихом — царем, а вместо умершей хорошей матери и вставшей на ее место злой мачехи появилась нейтральная «безродная старушка». Возвратившийся отец полностью восполняет первоначальный состав (Василиса, ее отец и старушка, заменяющая мать), с характерной для сказки «прибылью» (Василиса становится женой царя).

Таким образом, сказка состоит из пяти эпизодов, в которых действуют, по сути, 13 персонажей: Василиса, куколка,

Тацукый станок. Картина Северина Фалькмана. 1860–1869 гг.

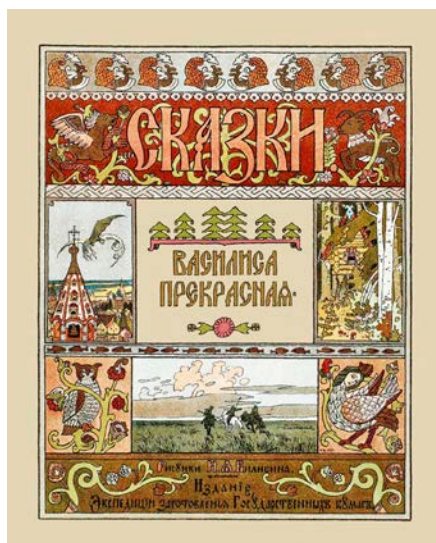
мать и отец Василисы, мачеха, сестры, женихи, всадники, Яга, три пары рук, череп, старушка и царь*. Персонажи действуют в определенных эпизодах: мать и женихи появляются только в первом эпизоде; отец — в первом и пятом; мачеха и сестры — в первом, втором и четвертом; всадники, Яга и три пары рук — в третьем; череп — в третьем и четвертом; старушка и царь — в пятом. Исключение составляют главная героиня и ее куколка: только они проходят весь путь целиком, движутся от начала до конца сюжета.

* Сестры, женихи, всадники и руки представляют собой недифференцированное множество, действуют всегда вместе и заодно, могут быть заменены единичными персонажами (сестрой, женихом, рукой) без существенного ущерба для сюжета. Немного более дифференцированы белый, красный и черный всадники, о них будет идти речь в особом разделе.

Специфика эпизодов сказки

Каждый эпизод отличается от предыдущего местом действия, составом персонажей и мерой, значимостью чудесного. От первого к третьему эпизоду происходит продвижение от города к лесу, мера чудесного возрастает; от третьего к пятому эпизоду наблюдается обратный процесс. Соответственно, сказка имеет симметричную структуру. В центре повествования находится третий, лесной эпизод, где героиня проходит самые страшные испытания и творятся самые большие чудеса. Этот центральный эпизод обрамляют четыре оставшихся, которые образуют отчетливые пары: первый и пятый, второй и четвертый.

Центральный эпизод (испытания у Яги) обладает некоторой автономией и мог бы составить отдельную сказку, при этом мотивировки отправлять героиню в лес или другое

Издание сказки «Василиса Прекрасная» с иллюстрациями Ивана Билибина. 1899 г.

«демоническое» пространство могли бы быть разными, так же как и финал сказки*. Именно центральный эпизод в наибольшей мере соответствует определению волшебной сказки, где на первый план выходит элемент чудесного, герой путешествует в «иной мир», где он встречается с нечеловеческими существами, проходит испытания и получает награду либо терпит наказание. Эта обособленность центрального эпизода не представляется ни случайной, ни произвольной. Напротив, она согласуется с наблюдениями филолога Елеазара Моисеевича Мелетинского³⁰, который выделял в сказках про мачеху и падчерицу два элемента. Первый, архаичный элемент рисует картину путешествия человека в мир духов или демонов, в нем много общего с мифологическими рассказами и некоторыми ритуальными практиками. Второй элемент более новый и непосредственно касается перипетий отношений сироты-падчерицы и мачехи.

Для восточнославянского (и отчасти южнославянского) фольклора особенно типичны сказки, в которых мачеха отдает падчерицу во власть демонического существа (Бабы-яги, черта, Мороза, лошадиной головы и т. п.), чтобы погубить ее. Этот сюжетный комплекс в указателе Аарне — Томпсона — Андреева фигурирует под номером 480, причем Андреев указывает для русской сказки дополнительные варианты (480 В, С), неизвестные фольклору других народов. Сказки этого типа генетически представляют собой соединение социального мотива мачехи — падчерицы с наиболее архаическим социальным типом, рисующим отношения человека с духами, — «посвящение», службу у духа и т. п.

* Что мы можем наблюдать, например, в сказках «Лесовой-людоед» (Смирнов, 1917 (1), 295–296) и «Людоедка» (там же, 343–344), к которым мы еще будем обращаться. Обе сказки относятся к группе «Людоедка», № 333 В по СУС.

Легенды о посещении героем жилища духов и приобретении с их помощью магических свойств, получении чудесных предметов, как известно, необыкновенно популярны у первобытных народов и составляют важный источник сюжетов и сказок «цивилизованных» народов. В первобытных легендах и мифах либо человек шел к духу, либо дух «похищал» человека. Нередко он посещал духа вопреки запрету старших, предупреждавших героя об опасности³¹.

Второй элемент в нашей сказке распадается на два эпизода, каждый из которых делится еще на два, смягчая таким образом переходы между условно реалистичной и чудесной, мифологической частями. В итоге четыре новых элемента обрамляют центральный архаический.

Периферийные эпизоды, первый и пятый, напоминают новеллистическую сказку. Как известно, новеллистическая сказка развивается из волшебной, однако в ней происходит уменьшение, сглаживание чудесных элементов, часто остается только один волшебный образ или мотив, остальные же перипетии сюжета основываются на человеческих, хоть и драматически преувеличенных, отношениях. Закономерным образом в новеллистической сказке на фоне снижения роли чудесного увеличивается степень личной инициативы и произвольности персонажей-людей. Героям уже не приходится рассчитывать на чудесных помощников или таинственную власть волшебных предметов в той мере, в которой это происходит в волшебной сказке, что создает базу для их индивидуализации. Другими словами, новеллистический сюжет и система образов в большей степени «психологичны».

Пример новеллистической сказки — знаменитый сюжет об Али-Бабе и сорока разбойниках³², в которой, по сути, представлен только один чудесный элемент — дверь, открывающаяся по слову. При этом противостоят герою не демоны, а разбойники — люди, которых удастся победить при помощи уловки, а не волшебных предметов или помощников. Другой пример — русская сказка «Деревянный орел»³³. По сюжету искусный столяр изготавливает и представляет царю и его семейству деревянного орла, который может летать по небу. Царский сын садится на орла и улетает в далекую страну, где встречает прекрасную царевну. Молодой человек влюбляется в девушку и возвращается вместе с ней на орле в свое отечество. В центре истории — известный волшебный мотив, путешествие героя на птице. Однако здесь сюжет сглажен, рационализирован: птица больше не сверхъестественное существо, а диковинка, изготовленная руками человека, и уносит она героя не в иной мир, где обитают демоны и колдуны, а всего-навсего в соседнее царство.

По сути первая и последняя части сказки о Василисе носят новеллистический характер и, поставленные рядом, могли бы образовать новеллистический сюжет*: девушка-сирота терпит нужду и притеснения мачехи (первый эпизод), однако благодаря помощи волшебной куколки и собственному мастерству выходит замуж за царя (пятый эпизод). Наши наблюдения можно обобщить и представить в виде таблицы.

* Мало того, новеллистический сюжет, в котором девушка-сирота благодаря помощи чудесной куклы становится женой короля, известен в мировой культуре. Это сюжет второй сказки пятой ночи из «Приятных ночей» Дж.-Ф. Страпаролы (XVI в.) (Страпарола 1993. С. 166–172). К сказке Страпаролы мы еще обратимся в главе, посвященной образу куколки.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

